

Е. В. Рахилина

СЕМАНТИКА РАЗМЕРА¹

1. Вместо введения

В настоящей статье описываются некоторые особенности сочетаемости русских предметных имен с прилагательными размера. Оба аспекта этой темы — прилагательные размера и сочетаемость — никак нельзя назвать неизученными. С одной стороны, бросающееся в глаза несовпадение «научной» и «наивной» картины мира (причем именно на материале прилагательных размера) неоднократно отмечалось в исследованиях по лексической семантике; ср. прежде всего известные наблюдения Ю.Д.Апресяна над словами *высокий, высота, низкий, толстый* и нек. др. ([1, с.58-59, 65-67], ср. также [2]). С другой стороны, сама идея сочетаемости, как известно, имела в лингвистической теории сложную судьбу, и отношение лингвистов к этому понятию (в частности, готовность считать его релевантным для описания смысла слов) существенно менялось. Наш подход во многом опирается на концепцию А.Вежбицкой, изложенную в ряде ее последних работ (ср. [3-4] и др.) и связанную с идеей, удачно названной всюду-прозрачностью языка в [5]. Одним из основных следствий применения этой идеи к интересующей нас области оказывается утверждение, что сочетаемостное поведение лексемы объяснимо и подчиняется сложным, но, вообще говоря, вычислимым правилам, прежде всего семантическим.

---

¹ Настоящая работа выполнена в рамках проекта «Human dimensions of the lexicon: Case study of Russian», финансируемого по программе Research Support Scheme 1994 Института открытого общества в Праге (ранее — Центрально-Европейского Университета).

Несколько огрубляя, можно было бы сказать, что, в частности, все случаи лексической сочетаемости должны в идеальном описании такого рода перейти в класс семантической сочетаемости (о понятии лексической и семантической сочетаемости см. [1, с.60-67]). В работах А.Вежбицкой приводятся многочисленные примеры того, как в разных зонах языка, на разных уровнях (морфологическом, лексическом, синтаксическом) можно осуществлять эту «объяснительную» стратегию.

Между тем понятно, что такое идеальное описание конкретного лингвистического материала далеко не всегда и не сразу достижимо. Поэтому на «промежуточных» стадиях исследования, когда еще не все тайные пружины сложного языкового механизма открыты, необходим инструмент типа интегрального словаря (понятие интегрального словаря предложено Ю.Д.Апресяном, см. [6-7]), «сопряженного» с грамматикой и составляющий с ней как бы одно целое. В частности, в интересующей нас области (т.е. в области сочетаемостных ограничений лексики) такой словарь дополняет известные на сегодняшний день **правила** семантической сочетаемости пока не нашедшими объяснения **исключениями** из них.

Более традиционным для лингвистики способом зафиксировать способы «конвенционального» употребления отдельных слов в языке является словарь сочетаемости. Но при описанном выше подходе статичная идея сочетаемостного словаря как бы поглощается идеей объяснительной грамматики сочетаемости. В самом деле: фиксировать сами сочетания нет смысла — в результате мы получим бесконечные неупорядоченные и аморфные списки; грамматика должна обращать внимание прежде всего на правила и модели сочетаемости. Грамматика же в духе А.Вежбицкой, будучи антропоцентрически ориентирована, кроме того, заботится, чтобы эти правила сами встраивались в некоторую общую систему описания человека и человеческой жизни. Собственно, настоящая статья представляет собой что-то вроде набросков к небольшому фрагменту такой грамматики.

2. Некоторые стереотипы

В сознании неискушенного носителя языка идея предметности ассоциируется прежде всего с такими свойствами объекта, как форма, цвет и размер. Но и в лексической семантике общеприняты представления о том, что предметное имя (т.е. лексема, соотносящаяся с некоторым материальным объектом) может и должно характеризоваться в первую очередь с точки зрения цвета, размера и формы. Практическим следствием таких представлений оказывается, в частности, предположение (не формулируемое обычно в явном виде) о свободной сочетаемости прилагательных соответствующей семантики с предметными именами. Именно с этой точки зрения мы предполагаем рассмотреть проблему описания размерности в русском языке в настоящей статье.

С некоторой долей условности можно принять, что измеряя величину объекта, (т.е., в конечном счете, определяя, большой он или маленький), мы характеризуем объект в отношении его длины, ширины, высоты, толщины и глубины². В принципе, каждый из перечисленных параметров имеет два значения: 'большой' (по высоте, глубине, толщине и т.п.) и 'маленький'. Этим значениям соответствуют пары типа *высокий* — *низкий*, *глубокий* — *мелкий* и др. (ср., например, толкования в МАС: *узкий* *1* = 'имеющий малую протяженность в поперечнике'; *широкий* *1* = 'имеющий большую протяженность в поперечнике'). Таким образом, мы будем рассматривать пять пар русских прилагательных, описывающих отдельные размеры предметов в русском языке, а также пару *большой* — *маленький*, исследуя их семантику в атрибутивных конструкциях³ с предметной лексикой.

Первое, что бросается в глаза при такой постановке задачи, это избирательность прилагательных размера в конструкции *А-й X. X*

---

² Для простоты мы ограничимся этим набором параметров, пренебрегая такими, например, противопоставлением, как *крутой* — *мелкий*.

³ По нашему представлению, семантика предикативных конструкций должна описываться несколько иначе, ввиду того, что там действуют особые семантические механизмы.

здесь не только не любой, но выбирается по достаточно сложным и не всегда ясным правилам. Например, согласно МАС, основное значение *длинный* — это 'имеющий большую длину', т.е. «протяжение линии, плоскости, тела в том направлении, в котором две крайние его точки наиболее удалены друг от друга». В принципе, такое определение вполне согласуется с нашей интуицией носителя языка. Тем не менее, в нормальных, прагматически не отмеченных ситуациях мы не говорим ^{??}*длинный уют*, **длинная книга* (в качестве характеристики ее внешних размеров), **длинная туча*, **длинный столб* (ср., однако, допустимое *длинные ноги*), **длинный материк* (*степь, пустыня, море*) и даже **длинная река*, **длинная лошадь*, **длинные губы (десны)* и мн. др. То же верно для прилагательного *широкий* (напомним, что по, опять-таки, вполне интуитивно адекватному толкованию МАС *широкий* значит 'имеющий большую протяженность в поперечнике'), ср.: ^{??}*широкое зеркало*, **широкий живот* (при допустимом *широкий таз*), **широкий автобус*, **широкая пещера*, **широкая стена комнаты*, а также **широкий пол* (*потолок*); ср. здесь также запрет на сочетания **длинная стена комнаты* (*пол, потолок*).

Легко видеть, что во всех приведенных примерах сам по себе объект может удовлетворять (или даже всегда удовлетворяет) тем минимальным требованиям, которые предъявляет к нему толкование: он имеет или в конкретной ситуации может иметь большую протяженность в длину или в поперечнике — тем не менее, соответствующее сочетание оказывается неприемлемым.

Примеры нетривиальных запретов на сочетание прилагательных размера с предметными именами можно легко продолжить, ср.: **толстая шляпа* (при допустимом *толстое пальто*), ^{??}*толстая грудь* (ср. *толстые губы, ноги*), [?]*толстый тигр* и др.; вполне соответствуют норме *глубокая посуда* (*миска, тарелка*), но не допустимы сочетания **глубокая чашка* (*ковш, ложка*); допустимы *глубокие корни* (*недра, дно*), но не **глубокий якорь*; *высокие ветки*, но не **высокие плоды*. Замечательно, что даже прилагательное *большой*, хотя и имеет гораздо более широкую сочетаемость, употребительно тоже далеко не во всех контекстах, ср.: **большой берег*, **большая суша*, ^{??}*большой экземпляр* (*товар, объект*), **боль-*

шие обои, ?большой телефон, *большой штрих, *большая бактерия и др.

3. Форма и размер

Итак, на вопрос, в действительности ли всякий материальный объект в русском языке можно охарактеризовать с точки зрения его размеров или хотя бы величины, можно с уверенностью ответить «нет». Повторим, что при этом с денотативной точки зрения соответствующие объекты могут быть глубокими, высокими, большими — это совершенно не меняет дела: в язык «встроена» своя система измерения величины объектов, отличная от той, которую человек тщательно отработал в занятиях физикой и геометрией и зафиксировал... в лучших толковых словарях.

Что же касается языковой картины мира, на которую опирается сочетаемость, то здесь прежде всего обращает на себя внимание связь формы и размера. В самом деле: охарактеризовать, например, как *глубокий*, мы можем только объект определенной формы. Тем самым, определяя здесь параметр размера, мы, кроме того, одновременно описываем и форму предмета. Между тем, связь формы и размера (как это было в свое время пронизательно отмечено еще Ю.Д.Апресяном⁴) оказывается в русском языке гораздо более общей и прослеживается абсолютно во всех сочетаниях с нашими прилагательными.

Так, прилагательное *высокий* «применимо» не просто к вертикальным объектам, но к объектам с изначально заданным, фиксированным положением в пространстве: ни *звездь*, ни *палка*, ни *лыжи*, ни *стрелка* не могут выступать в соответствующих сочетаниях именно по этой причине, ср. здесь невозможность **высокие лыжи* даже если лыжи стоят вертикально и **высокая стрелка* даже если это стрелка, указывающая вверх. То же верно для «гибких» объек-

---

⁴ Ср.: «В наивной геометрии осмысление одного из измерений предмета как *высоты* зависит от его внутреннего устройства, его формы, места крепления к другому предмету, соседства других тел и т.п.» [1, с.58].

тов (не имеющих фиксированной конфигурации): *высокая веревка, канат, провод и т.д.⁵.

Напротив, прилагательное *длинный* характеризует как раз не обязательно фиксированные в пространстве объекты — достаточно, чтобы они имели вытянутую форму (со значительным превышением нормальной длины над нормальной шириной), ср. *длинная веревка, гвоздь, палка, ветка* и т.п. Однако объекты с другими параметрами опять же не могут характеризоваться этим прилагательным: **длинное море, длинный журнал* и пр.

Толстый измеряет толщину либо плоских объектов (т.е. таких, у которых длина и ширина несравнимо больше высоты — последняя превращается в таких случаях в толщину, ср. [1, с.59]): *толстая фанера, броня, обложка, тетрадь, материя, одеяло, стекло*⁶, либо диаметр «палок» и «веревков» (т.е. также таких объектов, у которых толщина, соответствующая в этом случае поперечному диаметру, несопоставима с его линейными размерами): *толстая свеча, мачта, сигара, стичка*, а также *кабель, шнур, девичья коса* и т.д. Это объясняет запреты на сочетаемость с *толстый* имен объектов другой формы: **толстый шкаф, толстая подушка, толстый мяч*.

Замечание. Сочетаемость *толстый* с обозначениями «мягких» емкостей и живых существ (*толстый бумажник, конверт* (но не **толстый сундук!*), а также *толстый кот, щенок, повар*) нужно рассматривать отдельно; в частности, антонимом к такого рода употреблением *толстый* будет не *тонкий*, как в рассмотренных выше случаях, а *тощий*: *тощий карман, бумажник, живот*⁷, *поросенок*; сочетание

---

⁵ О другом употреблении *высокий* — с именами предметов, служащих опорой или имеющих функционально значимые опорные поверхности (*высокое место, ветки, табуретка*), см. ниже.

⁶ Вертикально повернутая плоскость также сохраняет параметр толщины, ср. возможность сочетания *толстая доска* (независимо от положения в пространстве), а также *толстая стена* (ср., однако, ниже, раздел 5).

⁷ Характерно здесь семантическое противопоставление в паре *толстый живот* — *большой живот*: в случае, если размеры живота не связаны с результатами

тонкий конверт скорее понимается как 'конверт из тонкой бумаги', а не как антоним к *толстый* в значении '<туго> набитый конверт'. Заметим, что несмотря на то, что в этой зоне действуют, вообще говоря, другие правила семантической сочетаемости, они также избирательны, ср. *толстая жаба, хомяк, крыса, гусь*, но ??*толстая лиса, волк, слон, дельфин* и под. Что касается животных, то здесь, по-видимому, важнейшей является идея прожорливого или специально откормленного зверя (плюс обычно отрицательная коннотация: названия животных, всегда имеющие положительную коннотацию, с *толстый* сочетаются плохо: ??*толстый орел, ??толстый лев* и проч.). Тем самым, в сочетаниях с названиями животных и «мягких» емкостей *толстый* также в конечном счете ориентируется на объекты определенной формы, только имеет гораздо более сложную семантику.

Широкий применимо прежде всего к вытянутым поверхностям или предметам, имеющим такую поверхность в качестве функционально значимой (см. ниже): *широкая лестница, пояс, скамейка, дорога, лыжи, ладонь, парус, спина, лопата*, но не: **широкий круг, шар, веревка, столб, книга*.

Кроме того, *широкий* характеризует безграничные пространства: *широкое пространство, простор(ы), степь, поле*. Для отверстий и полых вытянутых предметов *широкий* описывает диаметр/величину отверстия: *широкая дыра, нора, петля, зрачок, горлышко бутылки, люк*. Именно в этом смысле, по-видимому, следует интерпретировать сочетания *широкая одежда* и *широкая кость*.

Связь прилагательного *глубокий* с формой объекта очевидна: *глубокий* сочетается почти исключительно с именами емкостей постоянной формы (*глубокая река, глубокая коробка*, но не *глубокий мешок). Заметим, что эта емкость может быть «развернута» горизонтально, ср. *глубокая пещера, нора*⁸. Представляется, что именно по этой модели должны интерпретироваться немногочисленные примеры типа *глубокая чаща, глубокий тыл*. Тем самым, некоторые имена пространств (но не все! — ср. **глубокий лес, *глубокая*

обильных трапез, *толстый* оказывается неуместно, ср. *женщина с большим животом*.

⁸В изысканных прагматических контекстах емкость может быть «развернута» и иным образом, ср. *глубокое небо (глубокий купол неба)*.

пустыня, а также *глубокие горы, при возможном *глубоко в горах*) должны получить соответствующую словарную помету.

«Емкостную» интерпретацию в контексте *глубокий* получают также некоторые предметы мебели — а именно те, которые предназначены для сидения и имеют внешнее и функциональное сходство с формой емкости — например, кресло и диван, но не стул и табуретка, ср. здесь *он опустился/погрузился в мягкое глубокое кресло*⁹.

Таким образом, постепенно вырисовывается определенная система описания размеров объектов в русском языке, и главное свойство этой системы — то, что она не независима от других языковых систем. Это значит, что носитель языка, вообще говоря, не может охарактеризовать произвольный объект произвольным образом в отношении его размеров: эта процедура станет осуществимой только после того, как этот объект будет описан с других точек зрения, — в частности, как мы видели, должна быть достаточно детально определена его форма и в некоторых случаях положение в пространстве. Заметим, что система устроена экономно: каждое прилагательное «измеряет» свой собственный параметр, при этом случаи пересечения (т.е. такие, при которых одна и та же характеристика выражена разными прилагательными) встречаются крайне редко. Действительно, если мы возьмем горизонтальную вытянутую поверхность, то для нее будут определены длина и ширина (ср. *длинная/широкая доска*); однако если мы эту же поверхность повернем вертикально, то у нее появится высота но обязательно **вместо** какого-то из прежних измерений: другими словами, либо длина, либо ширина **станет** высотой (ср.: *высокие/широкие ворота*, но не *длинные ворота; *высокий/длинный забор*, но не *широкий забор)¹⁰. С этой точки зрения заслуживает более пристального внимания прилагательное *большой*.

---

⁹Ср. здесь еще одно периферийное употребление *глубокий* — его сочетаемость с некоторыми названиями веществ — *ил, снег, вода, песок* (подробнее об этом см. ниже).

¹⁰Любопытным примером с этой точки зрения выглядит пара *высокий лоб* — *широкий лоб*; если сопоставить ее с парой *низкий лоб* — *узкий лоб*, становится оче-

4. Величина и размер

Прилагательное *большой* традиционно рассматривается как характеризующее величину объекта в целом, ср. здесь толкование МАС для этого значения слова *большой*: 'значительный по величине, размерам'. Как видим, именно с прилагательным *большой* ожидаются случаи пересечения, или дублирования, способов выражения одного и того же измерения. Естественно возникает вопрос: как связаны в русском языке величина и размеры? Другими словами, какие именно параметры предмета должны быть большими, чтобы сам этот предмет можно было назвать большим? Ведь очевидно, что про короткий обрывок толстой веревки нельзя сказать *большая веревка*, про глубокую яму маленького диаметра нельзя сказать *большая яма*, длинный тонкий гвоздь тоже не назовут большим, ср. кроме того несинонимичные пары *глубокие/большие корни*, *высокий/большой стул* и под.¹¹

Понятно, что во всех этих контекстах замена прилагательного размера на *большой* была бы невозможна.

Основные употребления прилагательных размера представлены с этой точки зрения в таблице .

видно, что как раз в этом случае разными способами измеряется одно и то же. Впрочем, как мы покажем ниже, в других отношениях это имя также ведет себя нестандартно.

¹¹В такого рода употреблениях *высокий* и *глубокий* не обозначают размера предмета, а указывают на его удаленность от поверхности земли: *высокая ветка* — 'находящаяся высоко над поверхностью земли', *глубокие корни* — 'находящиеся глубоко под поверхностью земли'. При этом так характеризуются только объекты, постоянно находящиеся высоко/глубоко, ср. **высокие гуси*, **глубокие рыбы*, **высокий самолет*, **глубокий якорь*. Отметим, что такого рода употребления прилагательного *высокий* распространяются и на объекты, у которых выше обычного располагается только их опорная поверхность, ср. *высокий стол* (= стол с высоко расположенной столешницей), *высокая табуретка* и т.п.

Прилагательное раз- мера	Тип объекта	Возможность выра- зить тот же параметр с помощью прилага- тельного <i>большой</i>
ТОЛСТЫЙ	«стержни» и «верев- ки»	нет
	«пластины»	нет
ВЫСОКИЙ	вертикально вытя- нутые предметы «же- сткой» конфигурации	есть
	поднятые над по- верхностью «опоры»	нет
ДЛИННЫЙ	вытянутые предметы «жесткой configura- ции» (<i>доска, гвоздь</i>)	скорее, есть
	гибкие веревкооб- разные предметы (<i>волос</i>)	скорее, нет
ШИРОКИЙ	поверхности (<i>стол, доска</i>)	скорее, есть
	«бесконечные» про- странства	нет
	отвствия	есть

ГЛУБОКИЙ	вещества (<i>снег, вода</i>)	нет
	емкости постоянной формы (<i>таз, озеро</i>)	не полная (<i>блюдо: большое ≠ глубокое</i>)
	объекты на глубине (<i>корни</i>)	нет

Как видим, *большой* подразумевает, что хотя бы два разных измерения объекта больше нормы, причем преимуществом пользуются линейные размеры — длина и ширина; так, у плоских объектов *большой* выделяет именно эти параметры, ср. *большой ковер* (в противоположность *толстому коверу*), *большое озеро* (в противоположность *глубокому озеру*). При этом *большой* оценивает конечные размеры объекта, и поэтому «избегает» объектов неизвестной формы (**большая суша, берег, укрытие, бездна и под.*, а также **большой товар, вещь, экземпляр* и др.¹²) — в отличие, например, от *широкий*, употребляющегося и с именами безграничных пространств: *широкая степь, но не *большая степь*; ср. здесь пару *широкое поле — большое поле*, в которой именно последнее сочетание описывает не пространство, а конкретный объект с фиксированными параметрами.

Замечание. Интересно в связи с этим сопоставить пары *большие ноги/длинные ноги* и *большие руки/длинные руки*, в которых прилагательные описывают не только разные размеры, но и разные объекты: *большая нога* соответствует размеру

¹²В некоторых случаях «помогает» перевод таких сочетаний в множественное число, ср. допустимое *большие и маленькие вещи, большие экземпляры* (но, конечно, невозможное **большие берега, суши*). Действительно, если мы называем предмет таким общим словом, как *вещь*, мы не знаем или не хотим знать о нем никаких деталей — в частности, его форму и размер; если же перед нами множество разных вещей, мы можем хорошо представлять себе каждую из них (в том числе, в отношении формы и размера), но не иметь никакой возможности описать их все сразу каким-то менее общим способом, чем с помощью семантически почти пустого «вещь».

ступни, а *длинная* — длине бедра и голени, причем замена одного на другое невозможна; то же для *большая рука* (близко к 'широкая ладонь') и *длинная рука* (размер руки от плеча до кисти). Как видим, каждый раз *большой* «выбирает» такой ракурс восприятия объекта, чтобы его можно было рассматривать как плоский, имеющий линейные размеры. Отметим здесь, что одним из наиболее непротиворечивых способов лексикографического описания такого рассогласования в сочетаемости является, по-видимому, выделение в русском языке двух пар лексем *нога* и *рука*, соответствующих значению английских *foot — leg* и *hand — arm* или французских *piéd — jambe* и *main — bras*¹³.

Однако даже тогда, когда в нашей таблице отмечена возможность замены прилагательного размера на *большой*, таким перифразам обычно далеко до полной синонимии: *большой дом* — это не только высокий дом, но и обычно занимающий большую площадь, длинный забор назовут большим только если он достаточно высокий (ср. также сомнительность ?*большой заборчик*); про глубокую кастрюлю скажут *большая*, только если одновременно она еще и широкая, и т.д. Между тем, случаи, когда увеличение одного параметра с необходимостью требует увеличения всех остальных, также встречаются, — и тогда говорящий вынужден выбирать прилагательное *большой*: *большая туча, река, живот, ложка* и др. под.

Практически полные синонимы представляют пары типа *широкие/большие манжеты*, где варьируется только один параметр объекта (в данном случае — ширина), а все остальные строго фиксированы с точки зрения размера. Собственно, именно таким образом, по-видимому, следует описывать взаимозамену прилагательных *большой/широкий* применительно к размерам круглых отверстий. Здесь тоже «измеряется» только один параметр — диаметр отверстия, ср. *широкое/большое горлышко, широкие/большие значки, широкая/большая дыра*; однако *большая щель* уже не обязательно просто широкая — скорее всего, она еще и длинная.

---

¹³Отметим, что ноги в значении 'legs' осознаются в русском языке как не имеющие фиксированного положения в пространстве — иначе были бы не *длинные*, а *высокие ноги*, как *высокие опоры, колонны* и под.

Понятно, что именно прилагательное *большой* пользуется преимуществом при характеристике бесформенных, круглых и шарообразных предметов: *большой мяч, большое пятно, большие колеса, крышка, пуговица, циферблат, синяк, яблоко, лимон* и т.д. и т.п. — во всех этих случаях выбрать какое-то другое прилагательное оказывается крайне затруднительным. Таким образом, из всех прилагательных размера *большой* имеет наиболее свободную сочетаемость — и все-таки, как мы видели, не абсолютно свободную. В целом в измерительной системе эта лексема так же, как и остальные, заполняет свою «нишу» и, вообще говоря, по своему значению не пересекается с остальными ее элементами.

5. Антропоцентричность и размер

До сих пор мы рассматривали измерительную систему, образуемую русскими прилагательными величины и размера, как если бы это был некоторый языковой инструмент отражения реальной действительности. Мы выявили определенную нетривиальность в устройстве этого инструмента: измерительная система оказалась связана с совершенно другой, с логической точки зрения независимой от нее системой — системой определения формы объекта; это обстоятельство объясняет многие ограничения на употребление рассматриваемых прилагательных. Однако мы совершенно игнорировали в наших рассуждениях хорошо известную субъективность и антропоцентричность языка в целом и всех его подсистем.

Действительно, уже сама оценка величины предмета, как известно, не абсолютна (*большой дом и большая книга* несопоставимы по своим размерам), она ориентируется на норму, индивидуальную для каждого предмета, причем маркируются только отклонения от нормы в ту или другую сторону. Отсюда становится очевидно, почему в русском языке некоторые имена вообще не сочетаются с прилагательными размера и величины — такие имена описывают объекты, для которых значимы постоянные размеры и форма, ср. **большой/*широкий/*толстый рубль* или *?большой орден Почетного Легиона*, **высокие/*широкие/?длинные/ *большие рельсы*, **большие/*длинные обои* и др.; ср. также *??большая крошка*, **большая бактерия* и др.

В свою очередь, представление носителя языка о нормативных размерах возникает в связи с той функцией, которую имеет предмет в жизни человека, с процедурой использования его человеком. Так, по А.Вежбицкой [3], большие животные сравнимы с человеком по своим размерам; размер яблока определяется тем, что человек держит его в руке, так что б о л ь ш о е яблоко держать в руке неудобно, и т.д. Естественно, что эта функциональная система отсчета тоже принимает участие в формировании измерительной системы русского языка, накладывает свои ограничения и усложняет правила, регулирующие сочетаемость предметных имен с прилагательными величины и размера. Мы говорим *толстый карандаш*, но не **толстая ручка*, потому что толщина карандаша коррелирует с толщиной его грифеля и, следовательно, существенна для процесса использования карандаша (толстый карандаш толсто пишет), тогда как размер и форма ручки не связана со способом и качеством письма, т.е. не ориентирована функционально и, следовательно, нерелевантна в языке, а значит и не существует — точно так же, как и величина ордена Почетного Легиона. По той же причине неестественно выглядят сочетания типа *?большой телефон* или *?толстая тарелка*, *??длинная лопата* (ср. допустимое *длинная палка*) и под.: в языке не закреплена такая нормальная ситуация, в которой для обычного, естественного способа функционирования этих объектов оказалось бы релевантным отклонение от нормы данного размера этих объектов¹⁴.

Другой пример: пара *толстая стена* — **толстый забор* (ср. также **толстая калитка*, **толстая изгородь*, *??толстые ворота*

---

¹⁴Прагматически маркированная ситуация смещает каноны употребления и может создавать условия, в которых эти сочетания окажутся легко интерпретируемыми. Обратим внимание, однако, что сам механизм создания этих условий совершенно тот же: особый контекст в таких случаях — например, контекст противопоставления, делает релевантным для функционирования объекта в данной ситуации его размер. Ключ к построению семантической модели, интерпретирующей такого рода смещения, на наш взгляд, — в том, что нестандартная, но прагматически сильная, т.е. значимая для говорящего и слушающего ситуация как бы «достраивает» исходное общезыковое семантическое представление лексемы, расширяя и дополняя его необходимыми свойствами.

и др.). Во всех этих случаях мы имеем дело с одинаковым образом вертикально повернутой плоскостью, сохраняющей параметр «толщина» (см. выше, сноска б). Однако для забора толщина не значима: забор служит только для того, чтобы огораживать участок земли (ср. [8]), таким же образом, толщина не релевантна и для изгороди, и для калитки и т.д. Но стены строятся для защиты и укрепления (ср. здесь *прочные/крепкие стены*, но **прочный/*крепкий забор* или *калитка*), и их основная функция непосредственно связана именно с параметром толщины. Аналогичный ход рассуждений объясняет нам, почему прилагательное *глубокий* столь избирательно сочетается с именами веществ (см. выше): *глубокий* характеризует только те вещества, которые человек «измеряет» в очень естественной жизненной ситуации, и при этом, как мы покажем ниже, стандартным для самого прилагательного *глубокий* способом — погружая и вынимая ноги при ходьбе (ср. *глубокий снег, песок*, но **глубокая кислота/воздух/галька*).

Еще один аспект той же проблемы представляет сама стратегия измерения объекта в языке. Так, в некоторых употреблениях, прилагательные *глубокий* и *высокий* семантически очень близки: например, если в качестве измеряемого объекта выступает емкость, то одно из них обозначает большие (больше нормы) размеры внешней вертикальной ее поверхности, а другое — большие (также больше нормы) размеры его внутренней вертикальной поверхности¹⁵. Тем самым, если емкость такова, что ее наружная поверхность практически равна внутренней (ср. стакан с тонким дном или полый цилиндр), то *высокий* и *глубокий* «измеряют» одно и то же, но с разных сторон: извне и изнутри, так что *глубокий контейнер* будет в нормальной ситуации также и *высоким*. Между тем, сам способ измерения объекта в этом случае в языке оказывается единственным, причем выбор из двух возможностей целиком подчинен функциональной идее. Поэтому у нас есть **глубокие** (но не **высо-**

---

¹⁵Ср. наблюдение Ю.Д.Апресяна: «Измерение, которое у полого предмета (например, ящичка, шкатулки) осмысляется как *высота*, у предмета точно такой же внешней формы, но со сплошной внутренней структурой, скорее будет осмысляться как *толщина* (ср. книгу, металлическую отливку)» [1, с.58].

кие) тарелки — из них вычерпывают ложкой суп, доставая до дна; **высокий** (но не **глубокий**) стакан или бокал — его держат в руке, когда пьют, так что внутренняя его поверхность с функциональной точки зрения несущественна¹⁶ и тем самым как бы не существует. Глубокими будут, таким образом, только те емкости-артефакты, куда что-то кладут или откуда вынимают/вычерпывают (ср. колодец, корыто, таз или тарелка) — именно для них глубина оказывается функциональной; но те емкости, в которые наливают или выливают, не характеризуются прилагательным *глубокий*: ср. *глубокая чашка (ведро, ковш) и т.п. Ср. также *глубокие галоши* (в них вдевают валенки), но *высокие сапоги*, для которых функционально важнее размеры наружной поверхности, защищающей от воды и грязи.

Аналогичным образом ведут себя с полыми емкостями *толстый* и *широкий*, с той лишь разницей, что они описывают их поперечное сечение — снаружи и изнутри: для горлышка бутылки функциональна внутренняя поверхность, поэтому говорят *широкое* (не *толстое) *горлышко*; для катушки ниток — внешняя поверхность, на которую намотаны нитки (а не размер отверстия, которым она надевается на штырек машинки), отсюда *толстая* (не *широкая) *катушка*; ср. также *широкие* (*толстые) *рукава* (при допустимом *толстые руки*), и др. под. В паре *толстая труба* — *широкая труба* возможны оба варианта сочетаний, но в тексте они не взаимозаменяемы, и выбор между ними осуществляется по тем же «функциональным» правилам, т.е., в зависимости от способа использования объекта, более значимой для наблюдателя оказывается либо внутренняя, либо внешняя поверхность. Ср.: *Теперь газ по-*

---

¹⁶Отметим в связи с этим пару *глубокая пропасть*, но *высокий обрыв* — отсутствие *глубокого обрыва свидетельствует о некотором парадоксе в языковой пространственной картине мира. Действительно, определенное изменение ландшафта мы называем обрывом, как бы стоя у его края, т.е. в тот момент, когда «обрывается» нормальная ровная поверхность земли; человек, стоящий внизу, так сказать, на дне обрыва, не назовет «обрывом» возвышающуюся перед ним стену. Между тем, характеризуя обрыв как высокий, мы «смотрим» снизу вверх, а не сверху вниз, т.е. как бы мысленно совершив падение.

ступал по широким (*толстым) трубам нового магистрального газопровода; Реконструкция была в самом разгаре: толстые (*широкие) трубы теплоцентрали перегородили улицу, нависая над необъятными канавами, напоминавшими противотанковые рвы.

В сущности, похожие проблемы возникают и в паре прилагательных *длинный* — *широкий*. Представим себе плоский прямоугольник — мы всегда называем «длиной» его длинную часть, а «шириной» — широкую. Однако если этот прямоугольник оказывается крышкой нашего письменного стола, мы немедленно изменим свое мнение и объявим его длинную сторону — шириной, ср. *широкий письменный стол*. Если же этот прямоугольник будет сиденьем дивана, мы тоже, говоря о *широком диване*, будем иметь в виду его длинную сторону. Но если мы приляжем на этот диван, все переменится: ширина опять станет длиной (ср. *длинный/короткий диван*). Здесь важна ориентированность объекта относительно человека, использующего этот объект, в процессе функционирования объекта: фасадная часть, т.е. часть, «повернутая» к человеку и обычно представляющая собой «рабочую» сторону объекта, называется шириной даже в том случае, если она оказывается длиннее длины, т.е. боковой, «нефасадной» части, ср. здесь *широкий принтер, широкий экран* и др. (о признаке фасадности см. подробнее [1, с.110-111]).

6. Несимметричность в системе размеров

Таким образом, если в какой-то момент нам казалось, что антропоцентричность реорганизует нашу измерительную систему, образуемую сложным переплетением величины и формы, то теперь очевидно, что она скорее определяет ее: в языке форма предмета навязывается способом его использования, величина же оценивается исходя из привычных человеку норм. Неожиданным, но неизбежным следствием этого обстоятельства является в принципе известный факт частой несимметричности в поведении близких по своей семантике или, наоборот, антонимичных лексем (ср., например, в этой связи [1, с.65-67] о проблеме «предельных прилагательных»).

В качестве простого примера рассмотрим прилагательные величины и размера, описывающие мир «маленьких вещей» — *низкий, короткий, мелкий, тонкий, узкий, маленький*. Система этих прилагательных устроена сложнее уже потому, что с ними сосуществуют по крайней мере *невысокий, неширокий, небольшой и неглубокий*. Мы не имеем возможности затронуть здесь вопрос о том, почему в русском языке используются эти прилагательные и нет [?]*неузкий, [?]некороткий, *немелкий* и др.¹⁷. Это значительно более общая проблема, ср. здесь пары *легкий/тяжелый* — *нелегкий/нетяжелый*; *близкий/неблизкий путь* — *далекий/*недалекий путь*; *быстрый/[?]небыстрый поезд* — *медленный/*немедленный поезд*; *зрячий/незрячий* — *слепой/*неслепой*. Поэтому в настоящей статье мы исходим из того, что нам заранее задан некоторый набор прилагательных, и нужно лишь очертить «семантическое место» каждого из них в системе и сопоставить с рассмотренной выше системой квазиантонимов.

Начнем с тройки *высокий-невысокий-низкий*. Основные два употребления *высокий* — по отношению к имеющим большую высоту предметам фиксированной конфигурации (*высокая башня*) и по отношению к высоко находящимся предметам, служащим опорами¹⁸ или содержащими функционально значимые опорные поверхности (*высокая табуретка*). В первом случае коррелятом к

---

¹⁷По-видимому, лексемы *недлинный* и *нетолстый* достаточно маргинальны; *немаленький*, судя по всему, имеет крайне ограниченную сочетаемость (для предметных имен практически только *немаленькая сумма, немаленькие деньги*, но не **немаленький шкаф, *немаленький дом, *немаленькая река*) и ввиду этого не представляет для нас интереса. Прилагательное *немалый* также сочетается только с не-предметной лексикой.

¹⁸Ср. *высокое место, высокая ветка, высокий карниз, самая высокая ступенька лестницы*, но: не **высокие цветы* (при возможном *цветы на высоких стеблях*), *плоды, лампочки, люстры*. Описывая сочетаемость *высокий* более детально, мы должны были бы оговорить для этого же употребления *высокий* его совместимость с «квазиопорами» — поверхностями, ограничивающими пространство сверху: *высокие потолки, своды, купол, небо*. Возможны (в особенности в поэтических текстах) *высокие звезды* и *высокие облака*, однако не **высокие планеты, *высокая луна, *высокое северное сияние, *высокий Млечный Путь, *высокий Сириус*.

высокий выступает *невысокий*: *невысокая башня, дом, дерево, мужчина* — лексема *низкий* скорее избегает этих контекстов. Во втором случае, наоборот, мы говорим *низкий диван, табуретка, потолок*; сочетания с *невысокий* в этих контекстах, в принципе, возможны, но ср. неестественные **невысокий гамак, ?невысокий купол, ??невысокие карнизы* и под. Складывается впечатление, что русское *низкий* — это вообще не 'не являющийся высоким', а скорее 'находящийся внизу по отношению к человеку; близкий к уровню земли'. Мы говорим *низкий* про все, что ниже нас: траву, кустарник, низкое место, грядку, даже деревья (ср., однако, **низкая береза/липа/дуб*), но не про то, что выше (*дом, башня, стена, мачта, гора*) — эту лауну заполняет *невысокий*. По этой же причине *низкий* оказывается неприменимо к сосудам и емкостям, не удовлетворяющим такому семантическому описанию: можно сказать *низкий колодец* (= 'с низким срубом', но не **низкий стакан (бидон, бокал)*)¹⁹. Собственно, эта же семантическая доминанта определяет сочетаемостные возможности *низкий* и во втором классе употреблений: *низкая табуретка* оказывается близко к поверхности земли и «внизу» по отношению к человеку. Низкие потолки и помещения тоже максимально приближены к земле — это то место, где человек плохо помещается, где ему низко.

В тройке *глубокий/неглубокий/мелкий* прилагательное *мелкий* также семантически несимметрично *глубокий*; роль квазиантонима по-прежнему выполняет здесь приставочное прилагательное *неглубокий*, ср.: *глубокий/неглубокий/*мелкий снег, глубокий/неглубокий/*мелкий овраг, глубокий/неглубокий/*мелкий чемодан*. *Мелкий* же, этимологически связанное с *мель*, сочетается свободно исклю-

---

¹⁹Таким образом, *низкий* не наследует от *высокий* идеи функциональной важности внешней поверхности, проявляющейся в противопоставлении *высокий* — *глубокий*. Поэтому *высокие сапоги* оказываются противопоставлены не **низким сапогам*, а *невысоким, или коротким*.

чительно с именами водоемов: *мелкая река (пруд, ручей), но не *мелкий ров (пропасть, пещера, берлога, колодец, межа)*²⁰.

Длинный же противопоставлено только прилагательному *короткий* и в обоих характерных для него классах употреблений — при плоских вытянутых объектах и при гибких «веревкообразных» — заменяется на *короткий*. При этом *короткий* сохраняет предъявляемые прилагательным *длинный* требования к форме объекта — именно это обстоятельство неожиданным образом приводит к серьезным сочетаемостным запретам: **короткий горный хребет, *короткий самолет, *короткая лужа, *короткое помещение* и мн.др. Однако с точки зрения здравого смысла ничего парадоксального в этих запретах нет: просто если объект вытянутой формы укоротить, он может перестать быть вытянутым — и в этом случае перестанет удовлетворять ограничениям на форму; таковы помещение, забор, лужа и другие, но не таковы — палец, хвост, клюв, дорога, коридор, хобот, нож, палка и под., ср. допустимые *короткая палка, короткий хвост* и т.д. *Короткие уши* могут быть, например, у зайца, потому что заячьи уши сохраняют подходящую вытянутую форму, но, конечно, не у человека. Размеры объектов, «потерявших» форму в результате уменьшения, описываются прилагательными *небольшой* и *маленький*.

Толстый также противопоставлено прилагательному *тонкий*, без «промежуточного» приставочного прилагательного; их взаимозамена возможна, но не всегда — за счет того, что *тонкий*, как упоминалось выше, делит поле употреблений, свойственных *толстый*, с прилагательным *тощий*: *толстая/тонкая палка (веревка, доска, стекло, ковер)*, но *толстый/тощий/*тонкий кошелек (ребенок, поросенок, живот)*. Необходимо, однако, отметить, что несимметричность употреблений *толстый* и *тонкий* может возникать и по другим системным причинам; в частности, в языке отме-

---

²⁰Что же касается сочетания *мелкая тарелка*, то оно ведет себя, скорее, как фразеологическое, обозначая, так сказать, вид тарелки, ср.: *не очень глубокая тарелка, не очень мелкая река*, но **очень мелкая тарелка*.

цена прагматическая значимость тонких щиколоток и запястий, но скорее отсутствуют антонимы к ним.

Тройка *широкий-неширокий-узкий* имеет свою семантическую специфику: в ней есть три, так сказать, равноправных члена, потому что, в отличие от рассмотренных выше групп прилагательных размера, где обязательно одно из трех либо меняло семантику, либо просто выпадало из ряда, т.е. по тем или другим причинам не участвовало в противопоставлении, здесь представлена более или менее полная картина, так как и *широкий*, и *неширокий*, и *узкий* описывают один и тот же параметр размера объекта. Сравнить это можно только с отношениями в тройке *большой-небольшой-маленький*. При этом естественно было бы ожидать в этих двух случаях какой-то общности в стратегии запретов на сочетаемость прилагательных.

С некоторой долей условности можно считать, что *широкий* имеет три класса употреблений: он может характеризовать вытянутые поверхности или предметы, имеющие такие поверхности в качестве функционально значимых (*широкая доска, стол*), бескрайние поверхности-пространства (*широкая степь*), размеры отверстий (*широкое горлышко*). Совершенно ясно, что бескрайние пространства, переставшие быть широкими, просто перестают существовать в этом качестве — поэтому запрет на сочетания типа **неширокая/*узкая степь* вполне объясним. Между тем, запреты на сочетаемость с *неширокий* и *узкий* встречаются и в других случаях, ср.: *широкий/*узкий подбородок, широкий/*узкий перекресток, широкий/узкий/*неширокий нож, широкие/узкие/*неширокие зрачки* и др. под. Ср. здесь: *большой/небольшой/*маленький обрыв, большой/небольшой/*маленький парк, лес, большая/?небольшая/*маленькая равнина, большой/небольшой/*маленький аэродром, большой/небольшой/*маленький горный хребет* и т.п.

Рассмотрим подробнее последнюю группу примеров — с *большой* и *маленький*. Складывается впечатление, что в языковой картине мира есть как бы неизменно большие объекты (много больше человека) — такие как горный хребет, аэродром или лес; настоящие их размеры могут варьироваться, и большой хребет может становиться небольшим, но уменьшение размеров до того состояния,

когда объект может называться маленьким, невозможно потому, что в этом случае он перестает быть самим собой — горным хребтом, лесом и пр. Все, что больше человека, если и может называться маленьким, то только в очень нетривиальных прагматических контекстах. Отметим здесь, что одним из средств разрешения этого конфликта является использование диминутивов (*маленький домик*); при этом характерно, что от названий многих «прототипически больших» объектов не образуются и диминутивы: ср. отсутствие в русском языке диминутивных (не гипокористических) форм от *поле, пашня, пропасть* и под.

Замечание. Интересно, что поведение прилагательного *большой* в этом отношении будет отличаться от *маленький*. Во-первых, у *большой* нет соответствующего семантического «дублера»: для *маленький* таким дублером является *небольшой*, которое и выражает значение '<объект>, меньший по размерам, чем большой' даже для изначально больших объектов. У прилагательного *большой* нет «замены» в виде *немаленький* (см. об этом выше) и фактически нет ограничений на обозначаемые им размеры (кроме, разве что, малооправданных ^{??}*большая хлебная крошка*, ^{??}*большая бактерия* и им подобных, см. выше): *большой* действительно сравнивает размеры с нормой для данного объекта.

Если мы вернемся к прилагательным группы *широкий* и запретам на сочетаемость в этой группе, то обратим внимание, что там в языковой картине мира тоже встречаются объекты, форма которых такова, что они как бы изначально ориентированы на большую, или, наоборот, маленькую ширину (в другой системе понятий их можно было бы охарактеризовать, соответственно, как «прототипически широкие» и «прототипически узкие»): широкий перекресток не может стать узким, точно так же, как не может стать узкой площадь, не перестав быть площадью. В таких случаях удобно «промежуточное» прилагательное *неширокий*, которое оценивает размеры объекта относительно максимальных и поэтому допустимо и применительно к перекрестку, и применительно к площади. Наоборот, изначально узкие объекты — нож, рука, половица, тропинка и под. — не могут бесконечно расширяться без ущерба для своих функциональных возможностей, в противном случае это будут уже другие объекты, например, тесак или дорога. Поэтому даже небольшое отклонение от обычной нормы делает их широкими.

Но установление «промежуточных» размеров в этих случаях уже крайне нежелательно: **неширокий нож (половица, рука)*.

Рассматривая систему прилагательных размера, мы обратили внимание на то, что здесь, как правило, нет симметрии ни в семантике, ни в языковом поведении лексем. Но, если каждый раз, переходя к новой лексеме, мы вынуждены менять ход наших рассуждений, то не означает ли это крушение идеи системности лексики (и языка в целом)? Представляется однако, что исследования последних лет в русле «объяснительной лингвистики» (и прежде всего, работы А.Вежбицкой), в особенности в области лексической сочетаемости — свидетельствуют вовсе не об отсутствии системности. Они лишь показывают, что системность в семантике обеспечивается не действием придуманных людьми для описания внешнего мира логических правил и отношений, а антропоцентрической ориентированностью языкового механизма как совершенно самостоятельной, опирающейся на свои законы и правила системы. Это значит, что принцип простоты описания, понимавшийся как описание фактов языка с помощью небольшого набора любых стандартно действующих правил, должен, по крайней мере в области семантики, переформулироваться как принцип «естественности» описания: правила не могут быть произвольными, при их формулировании следует опираться на закономерности максимально более общего порядка, регулирующие человеческое поведение в целом. Заметим, что провозглашенный А.Вежбицкой и другим исследователями принцип антропоцентричности отвечает этому критерию в полной мере.

* * *

Автор признателен В.М.Алпатову, Т.Н.Лаппалайнен, В.А.Плунгяну, М.В.Филипенко и Р.М.Фрумкиной, прочитавшим первые варианты этой статьи, за замечания и исправления.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. — М., 1974.

2. Bierwisch M. Some semantic universals of German adjectivals // Foundations of language.— 1967.— vol.3, № 1.
3. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis.—Ann Arbor, 1985.
4. Wierzbicka A. The semantics of grammar.—Amsterdam, 1988.
5. Фрумкина Р.М. О прозрачности естественного языка // Язык и структура знания.—М., 1990.
6. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопр. языкознания.— 1986.— № 2.
7. Апресян Ю.Д. Об интегральном словаре русского языка // Семиотика и информатика, 1991, вып. 32.
8. Рахилина Е.В. Словарная статья слова ЗАБОР // Семиотика и информатика.— 1990.— вып.32.